

БИОЛОГИ-«МАЙЦЫ». ЧАСТЬ 2

В предыдущей публикации¹ мы рассказали о биологах, бывших учениках Гимназии Карла Мая и школ, её преемниц советского времени. Однако время не стоит на месте и в «биологической истории» школы появляются всё новые и новые имена. Наш рассказ о биологах выглядел бы неполным без биографий ряда замечательных людей, о которых мы узнали за последние годы. Найденные сведения не могли оставить нас равнодушными к их судьбам. Девять человек учились в дореволюционной школе К. Мая, остальные – в советских школах-преемницах №№ 15, 12, 217 и № 5. Рассказ о трёх первых по хронологии учениках далёкого дореволюционного периода, к сожалению, очень короткий. Их имена – Павел Оттонович Бетлинг, Карл Карлович Риттер и Карл Карлович Саковский.

Павел Оттонович (Николай Вильгельм Фридрих Павел) Бетлинг² родился 26 мая 1851 г. в Санкт-Петербурге в семье знаменитого санскритолога, будущего академика Петербургской академии наук Отто Николаевича Бетлинга (1815—1904) и его второй жены, дочери действительного статского советника Паулины Фёдоровны Греф (1821—1856). Отец, академик Петербургской академии наук, долгое время работал в России и являлся одним из авторов уникального «Словаря санскритского языка»³.

Павел первоначально учился в Гимназии Г. А. Видемана⁴, затем перешёл в Гимназию К. Мая, где учился в V классе в 1867/1868 учебном году.

Впоследствии Павел Оттонович работал агрономом и управляющим именьями. В 1876 г., 27 сентября, в Бадене он сочетался браком с Сарой Андреевной Остеррит (1850—1917). В этом браке родились Рене Натали Бетлинг (1877—1979) и Генрих Павел Отто фон⁵ Бетлинг (1878—1948)⁶.

Павел Оттонович Бетлинг скончался 19 марта 1904 г. во Фрайбурге (Германия).

Карл Карлович Риттер⁷ родился в 1863 г. в семье коллежского асессора, чиновника особых поручений при Министерстве финансов Карла Андреевича Риттера (1834—1899) и его жены Ольги Карловны (урождённой Задлер, 1839 — после 1903). Отец Карла вместе с К. И. Маем был одним из 22 членов-учредителей Фрёбелевского общества для содействия первоначальному образованию. Среди учредителей этого общества также числились дед Карла, доктор, действительный статский советник Карл Карлович Задлер (1801—1877), и тётя,

¹ Гамалей Ю. В., Быков О. Д., Чернышёва Н. Б. Биологи-«майцы» // На службе Отечеству. – СПб., 2012. – С. 11–58.

² Валиев М. Т., Лейнонен И. Л. Бетлинг Павел Оттонович: [биографич. страница]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа (дата обращения: 30.10.2014): http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=274.

³ Böhtlingk O. Sanskrit-Wörterbuch: [im 7 Th.]. – St. Petersburg, 1853–1875.

⁴ См. сноску 16 на с. 408.

⁵ Так в источнике. См.: GenealogyData. [Электронный ресурс]. – Режим доступа (дата обращения: 30.10.2014): <http://www.gschneidinger.com/dat.135.htm#9>.

⁶ Благодарим М. Е. Кисарову и И. Л. Лейнонен за ценные дополнения к биографии П. О. Бетлинга.

⁷ Мазинг А. Ю. Риттер Карл Карлович: [биографич. страница]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа (дата обращения: 30.10.2014): http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=2675.

Полина Карловна (1844—1915), впоследствии ставшая женой лейб-педиатра, действительного тайного советника Карла Андреевича Раухфуса (1835—1915), который также являлся членом-учредителем общества. Карл Андреевич Риттер закончил служебную карьеру в чине действительного статского советника, был награждён многими орденами, в том числе орденом Св. Владимира IV степени.

В семье было шестеро детей. Один из них, Карл, поступил во II класс гимназии⁸ в 1874 году. После III класса, в 1876 году, он переехал в г. Ковно⁹, куда его отца назначили мировым судьёй. Карл и его братья продолжили обучение и окончили Рижскую гимназию. Окончив в 1891 г. Рижский политехникум по специальности «сельское хозяйство», Карл Карлович служил агрономом и управлял тремя крупными сельскохозяйственными имениями в Киевской губернии. Женится Карл на своей кузине Ольге Задлер, дочери доктора, действительного статского советника Василия Карловича Задлера (1836—1899), который служил в Перми, Чернигове и Воронеже. У Карла и Ольги родились две дочери – Мария (1902—1992) и Александра (1907—1975). Младшая из сестёр вышла замуж за Анатолия Недосеева (1905—1977), их потомки сейчас живут в Москве¹⁰.

Карл Карлович Саковский (младший)¹¹ родился 9 мая 1879 г. в Санкт-Петербурге. Его отец, Карл Карлович-старший (1853—1920), окончил гимназию в 1870 г., в дальнейшем стал врачом (с 1900 г. служил в родной школе) и находился у постели К. И. Мая во время его последней болезни. Мальчик поступил в подготовительный класс в 1887 г. и окончил VII класс гимназии в 1898 году. Высшее образование получил в Юрьеве¹², Цюрихе и Берне. В Бернском университете Карл Карлович был удостоен степени доктора ветеринарной медицины, защитив в 1906 г. диссертацию на тему «Крупный рогатый скот России накануне XX столетия под влиянием экономических и зоотехнических факторов». После защиты он был оставлен при кафедре зоотехники и зоогигиены. Кроме непосредственной работы на кафедре, К. К. Саковский принимал деятельное участие в редактировании журналов «Архив ветеринарных наук», «Молочное хозяйство», «Российское козоводство», «Российское сельскохозяйственное животноводство», «Ветеринарное обозрение» и др., а также зарубежных изданий *Deutsche landwirtschaftliche Tierzucht*¹³ и *Jahrbuch für wissenschaftliche und praktische Tierzucht*¹⁴. Отдельно издал книгу «Краткий очерк современного положения крупного рогатого скота и меры к развитию и улучшению его в различных странах» (СПб., 1905) и свою диссертацию. Работал старшим специалистом Департамента земледелия по зоотехнике. Во время Первой мировой войны Карл Карлович был уполномоченным по закупкам живого скота для армии по Оренбургской губернии, а в 1917 г. стал председателем губернской продовольственной управы

⁸ Здесь и далее подразумевается Гимназия К. Мая. В случаях упоминания другого учебного заведения приводится его полное наименование.

⁹ Совр. г. Каунас (Литва).

¹⁰ Благодарим А. Ю. Мазинга за помощь в подготовке биографии К. К. Риттера.

¹¹ *Валиев М. Т.* Саковский Карл Карлович, мл.: [биографич. страница]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа (дата обращения: 30.10.2014): http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=2766. Ныне г. Тарту (Эстония).

¹² В переводе с нем. яз.: «Немецкое сельскохозяйственное животноводство».

¹⁴ В переводе с нем. яз.: «Ежегодник по научному и практическому животноводству».

и ответственным редактором журнала «Оренбургское продовольственное дело». С 1911 по 1917 г. он работал редактором журнала «Российское сельскохозяйственное животноводство», который также выходил в Оренбурге. Данных о времени и месте его кончины нет.

Гораздо больше мы знаем об одном из самых выдающихся деятелей отечественного охотоведения – **Дмитрии Константиновиче Соловьёве**¹⁵. На сегодняшний день единственным исчерпывающим источником информации о Д. К. Соловьёве является очерк исследователя русской охотничьей культуры Олега Алексеевича Егорова (С.-Петербург)¹⁶. Изложение биографии этого выпускника полностью базируется на этом труде¹⁷.

Дмитрий
Константинович
Соловьёв

Дмитрий родился 3 ноября 1886 г. в Санкт-Петербурге. Его дед Матвей Соловьёв, крепостной графов Строгановых, в тридцатых годах XIX в. пешком пришёл в Петербург, разбогател и сумел освободиться от крепостной зависимости. В столице он выстроил два доходных дома на Английском проспекте, в одном из которых (№ 34) и проживала многочисленная семья Соловьёвых. Отец Дмитрия Константин Матвеевич, по образованию инженер-технолог, был правителем дел Комитета по техническим делам при отделе промышленных учреждений Министерства финансов¹⁸. Мать Вера Семёновна, окончившая Высшие женские (Бестужевские) курсы¹⁹, нашла своё призвание в общественной деятельности, работая в бес-

платных школах для рабочих.

Отец, естественно, хотел видеть своего сына инженером и поэтому определил его в Тенишевское училище²⁰. Но в 1901 г. Дмитрий перешёл в 4 класс Реального училища К. Мая и окончил полный курс, включая 7-й дополнительный класс, третьим, со средним баллом 3,84, в 1905 году. Он не пошёл по стезе отца и осенью того же года поступил в Императорский Санкт-Петербургский университет (ИСПБУ). Сначала вольнослушателем, а затем, после сдачи экзамена по латинскому языку, осенью 1907 г. Д. К. Соловьёв был зачислен в число студентов университета на естественнонаучное отделение физико-математического факультета по биологическому разряду. Этот выбор жизненного пути оказался далеко не случаен. С отроческих лет Дмитрий страстно увлекался охотой. Родители уступили напору охотничьей страсти сына и в четырнадцать лет подарили ему охотничье ружьё и щенка пойнтера. Живой и подвижный юноша отнюдь не обременял себя учёбой и всё свободное время, и не только, проводил на охоте в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии, где у Соловьёвых была дача. К этому времени относится и первое его выступление в печати. В 1903 г.

¹⁵ Валиев М. Т. Соловьёв Дмитрий Константинович: [биографич. страница]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа (дата обращения: 30.10.2014): http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=2921.

¹⁶ Егоров О. А. Классик отечественного охотоведения // Охотничьи просторы. – Кн. 1 – 2010. (63). – С. 204–223.

¹⁷ Благодарим О. А. Егорова за предоставленные материалы и ценные дополнения к биографии Д. К. Соловьёва.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51156.

¹⁹ См. сноску 233 на с. 123.

²⁰ См. сноску 57 на с. 85.

в «Охотничьей газете» появилась его заметка, в которой описывалась охота в Лужском уезде²¹. Беззаветная любовь к охоте и определила интерес мальчика к изучению биологии и географии. Впечатлительный юноша, читавший запоем книги Н. М. Пржевальского, грезил путешествиями.

Во время учёбы в университете, в 1908 г., Д. К. Соловьёв принял участие в качестве препаратора зоологических коллекций в своей первой научной экспедиции – по северо-западной Монголии, возглавляемой профессором В. В. Сапожниковым. Результатом этой поездки стал переход Дмитрия осенью 1908 г. в географическую группу. В следующем 1909 г. он принял участие в качестве помощника почвоведом в экспедиции Переселенческого управления в Восточное Заангарье (Енисейская губерния). А уже в начале 1910 г. Дмитрий Константинович совершил самостоятельную этнографическую экспедицию, занявшую три месяца, на Дальний Восток. Помощь в организации ему оказал известный исследователь Дальнего Востока Владимир Клавдиевич Арсеньев. В мае–сентябре 1911 г. Дмитрий Константинович отправился в новую экспедицию, в этот раз на Север, где изучал быт кочевых саамов²². Он пересёк весь Кольский полуостров, пройдя от Кандалакши по системе Имандра – Кола до острова Кильдин.

В мае 1912 г. Д. К. Соловьёв окончил университет по первому разряду, представив дипломную работу «Гольды²³», основанную на материалах его Дальневосточной экспедиции. После окончания университета он поступил на службу в Департамент земледелия, по заданию которого в 1913 г. совершил продолжительную этнографическую экспедицию на Амур, где изучал охотничье племя манегров²⁴. Исследуя малые народности России, Дмитрий Константинович как охотник, естественно, не мог пройти мимо их основного занятия – охоты и рыболовства. Уже в начале 1914 г. он по рекомендации А. А. Бялыницкого-Бирули, курировавшего биологические исследования отдела, был назначен старшим специалистом по промысловой охоте в отдел охоты Департамента земледелия. В лице Д. К. Соловьёва отдел приобрёл не просто энергичного сотрудника и отличного полевика, но и блестящего знатока жизни малых охотничьих народностей Российской империи.

Февральская революция 1917 г., упразднившая монархию в России, не затронула отдел охоты Земельного департамента Министерства земледелия, который продолжил заниматься обследованием охотничьего промысла и созданием охотничьих заповедников, а также подготовкой нового проекта закона об охоте. А уже через самое короткое время партия большевиков провозгласила отмену частной собственности на землю и основные средства производства с последующей их национализацией.

В эти самые трудные революционные годы именно личностные качества Д. К. Соловьёва, этого сильного духом человека, умевшего не только отстаивать свою правоту и убеждать, но и находить выход из самых безвыходных

²¹ Соловьёв Д. К. Из записной книжки охотника // Охотничья газета. – 1903. – № 37/38.

²² Саамы (устар. лопари) – народность, живущая на Кольском полуострове в России, в северных районах Норвегии, Швеции, Финляндии; представители этой народности.

²³ Гольды (совр. название – нанайцы) – коренной малочисленный народ Дальнего Востока, проживающий по берегам Амура и его притоков Усури и Сунгари в России и Китае.

²⁴ Манегры (манегирцы, манягры) – выделяемая в конце XIX – начале XX в. отдельная группа эвенков – коренного народа Восточной Сибири.

ситуаций, умевшего пойти на компромисс и договариваться с новой властью, помогли спасти жизнь многих старых специалистов отдела охоты – и бывших царских, и частновладельческих егерей. В 1918–1919 гг. Дмитрий Константинович входил в состав коллегии секции охоты при Петросовнархозе, а также возглавлял отдел истребления хищников. Создание же в Наркомате земледелия (НКЗ) специального подотдела промыслово-охотничьих, вредных и полезных зверей и птиц, в который вошли все бывшие специалисты отдела охоты, не только обеспечило их пайком и определённым социальным статусом в новом государстве, но и позволило получить мандаты на владение оружием и право охоты, а также мандаты, защитившие их квартиры от уплотнения, а имущество от национализации.

После окончания острой фазы Гражданской войны власть обратила своё пристальное внимание и на Всероссийский союз охотников (ВСО) – весьма подзрительную общественную организацию, мало того что хорошо вооружённую, но и в руководстве своём состоящую из значительной прослойки «бывших». Началось преследование членов ВСО в партийной печати под лозунгами выгнать всех *«недобитков, окопавшихся в Союзе охотников»*, а также с указанием на то, что в этой организации нет *«коммунистической фракции»*.

В эти годы Д. К. Соловьёв подготовил и издал труд, сразу же выдвинувший его в ряды выдающихся русских охотоведов, – «Основы охотоведения» с весьма примечательным подзаголовком: «Систематическое руководство к изучению русского охотничьего дела». С. В. Лобачёв²⁵, близко знавший Дмитрия Константиновича, писал в своей заметке, посвящённой «Основам охотоведения»: *«При личном знакомстве с Д. К. Соловьёвым обращали на себя внимание, кроме энтузиазма и энциклопедизма, большая работоспособность учёного и его стремление доводить начатое дело до конца. Этим чертам своего характера он обязан тому, что сумел при жизни выпустить свой труд»*²⁶.

В 1923 г. Дмитрий Константинович принял участие в организации Московских курсов охотоведения при Московском лесном институте²⁷ и в течение нескольких лет там преподавал, а с октября 1925 г. он приступил к чтению лекций на третьем курсе лесохозяйственного факультета Ленинградского лесотехнического института (ЛЛИ)²⁸ и возглавил общее руководство кафедрой охотоведения. Он энергично принялся за дело и уже в 1926 г. выпустил курс лекций по охотоведению «Охота в СССР», прочитанных в ЛЛИ, и стал доцентом кафедры охотоведения. Живое участие принял Дмитрий Константинович в организации показательных охот в Лисинском учебно-опытном охотничьем хозяйстве ЛЛИ. Кроме преподавания в этом вузе, учёный содействовал организации курсов охотоведения и в других ленинградских учебных центрах. Наряду с преподавательской работой он возглавил группу охотоведов в лесоэкономических экспедициях НКЗ: в Печорской в летний сезон 1926 г. и в Туруханской в летний сезон 1928 г., детально обследуя охотничьи промыслы этих областей. Участник этих

²⁵ Лобачёв Сергей Васильевич (1904—1984) – учёный-охотовед, хирург.

²⁶ Охота и охотничье хозяйство. – 1974. – № 5. – С. 19.

²⁷ Совр. Мытищинский филиал Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (бывш. Московский государственный университет леса).

²⁸ С 1929 г. – Ленинградская лесотехническая академия (ЛТА), с 1935 г. – ЛТА им. С. М. Кирова. С 27 мая 2011 г. – Санкт-Петербургский гос. лесотехнический университет им. С. М. Кирова (СПбГЛТУ).

экспедиций, ученик Д. К. Соловьёва, известный советский охотовед и писатель Г. Е. Рахманин рассказывал, что уже тогда Дмитрий Константинович постоянно жаловался на сердце и при прохождении маршрутов был вынужден часто отдыхать. Тяжелейшие годы не прошли даром для этого физически крепкого от природы человека, весёлого и оптимистично воспринимавшего жизнь.

В 1928 г. в связи с переходом страны к плановой экономике Д. К. Соловьёвым и В. Я. Генерозовым²⁹ по заданию Наркомторга СССР был разработан проект пятилетнего плана изучения и развития охотничьего хозяйства СССР. Оба они вошли и в состав комиссии этого наркомата. После смерти Дмитрия Константиновича работа по организации подготовки охотоведов в ленинградских высших учебных заведениях постепенно была прекращена и факультеты охотоведения вскоре были закрыты...

К сожалению, жизнь этого яркого, широко образованного человека была очень короткой. Дмитрий Константинович Соловьёв умер в августе 1931 г. от тяжёлой болезни в возрасте 45 лет. Похоронен на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге. Супруга его скончалась в 1942 г. в блокадном Ленинграде. Тогда же пропал и весь бесценный архив учёного³⁰. Следует отметить, что Дмитрия Константиновича связывали многолетние дружеские отношения с другими знаменитыми выпускниками школы К. Мая, страстными охотниками и ценителями природы Алексеем Алексеевичем и Юрием Алексеевичем Ливеровскими³¹. Алексей Алексеевич считал себя учеником Дмитрия Константиновича и очень дорожил дружбой с ним.

Константин
Дмитриевич
Старынкевич

Имя **Константина Дмитриевича Старынкевича**³² окружено лёгкой завесой тайны. Его единственная работа³³ мало известна широкому кругу читателей, однако этот труд, несомненно, ставит его в один ряд с крупными учёными и мыслителями начала XX века. Молодой автор высказал мысли о возникновении и развитии жизни на земле, далеко опережающие своё время. После смерти учёного его брошюру издал известный историк Г. В. Вернадский, хотя сам он отношения к биологии не имел.

Константин родился в Санкт-Петербурге 1 февраля 1888 г. в семье студента Дмитрия Сократовича Старынкевича (1863—1920) и Елены Константиновны (урождённой Лебедевской, ?—1918). Его дед, Сократ Иванович Старынкевич

²⁹ Генерозов Владимир Яковлевич (1882—1963) – учёный-охотовед, канд. экономических наук, профессор.

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51156.

³¹ Об А. А. Ливеровском см. в статье Н. Б. Чернышёвой, Л. В. Черных, М. Т. Валиева «Химики – учителя и ученики школы на Васильевском острове». – С. 507–510 настоящего сборника; о Ю. А. Ливеровском см.: *Гамалей Ю. В., Быков О. Д., Чернышёва Н. Б.* Биологи-«майцы» // На службе Отечеству. СПб., 2012. – С. 30–32; о литературной деятельности А. А. и Ю. А. Ливеровских см. в статье Т. Л. Модзалевской «Филологи – учителя и ученики школы К. Мая». – С. 203–205 настоящего сборника.

³² При составлении биографического очерка были использованы мемуарные записки племянницы К. Д. Старынкевича Евгении Борисовны Халезовой. Полная версия записок. [Электронный ресурс]. – Режим доступа (дата обращения: 30.10.2014): <http://halezova.ru/ddvzh02.htm>. Существенную помощь в подготовке материала оказала внучатая племянница К. Д. Старынкевича Елена Диевна Сейфрид (урожд. Старынкевич).

³³ *Старынкевич К. Д.* Строение жизни. – Прага, 1931.

(1820—1902), был видным российским чиновником, губернатором Херсонской губернии, а к моменту рождения Константина занимал высокий пост президента (городского головы) Варшавы. Отец Константина во время учёбы в столичном университете увлёкся революционными идеями, принимал участие в студенческих беспорядках, был исключён, но женитьба и рождение шести детей немного остудили пыл молодого борца с монархическим строем и инженер-технолог Д. С. Старынкевич был определён на службу по ведомству Министерства внутренних дел

В 1899 г. Константин поступил в III класс гимназии и учился здесь три года, покинув её после окончания V класса в 1902 году. Он продолжил учёбу в не менее знаменитом среднем учебном заведении – Императорской Николаевской Царскосельской гимназии³⁴, где в 1903–1904 гг. учился в одном классе с будущим поэтом Николаем Гумилёвым. Отметим, что Ирина, младшая сестра Константина, училась в Мариинской гимназии³⁵ в одном классе с Анной Горенко, будущей А. А. Ахматовой. Во время учёбы юноша проявил интерес к логике. После окончания школы в 1905 г. со средним баллом аттестата 4,7 он поступил на естественное отделение физико-математического факультета ИСПБУ³⁶. Через два года перешёл на механическое отделение Технологического института³⁷, а в 1913 г., так и не завершив там курс обучения, вернулся в университет³⁸.

К сожалению, Константин Дмитриевич заболел туберкулёзом, унаследовав этот недуг от родителей. С целью лечения он после окончания университета уехал работать в Крым, где с 1916 г. был помощником лесничего в Ялте. Там на него обратил внимание известный ботаник, директор Никитского ботанического сада Н. И. Кузнецов. С 1916 г. Константин Дмитриевич состоял ассистентом по ботанике Ялтинского лесничества. К этому времени относится уникальный доклад К. Д. Старынкевича, который лёг в основу упомянутой выше работы. В 1918 г. молодой учёный покинул Россию и сначала перебрался в Прагу, а позднее в Париж.

В эмиграции Константин Дмитриевич занимался общественной и педагогической работой. Он стал одним из учредителей Русской школы в Париже, преподавал физику, естествознание и географию. Впоследствии работал в Пастеровском институте. С 1921 г. был членом правления Общества просвещения беженцев из России.

Константин Дмитриевич Старынкевич умер от туберкулёза 8 февраля 1926 г. в Париже, похоронен в Бриансоне (департамент Савойя). В настоящее время потомки К. Д. Старынкевича живут во Франции и США.

Интересной выглядит биография зоолога и ботаника **Дмитрия Николаевича Бородина**^{39,40}. Он родился 23 ноября 1887 г. в г. Уральске⁴¹ Оренбургской губернии в семье потомственного дворянина Уральского войска Николая

³⁴ См. сноску 92 на с. 41.

³⁵ См. сноску 12 на с. 406.

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 63178.

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 9418.

³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 43564.

³⁹ В подготовке материала о Д. Н. Бородине важную помощь оказали историк науки, д-р биол. наук С. И. Фокин и выпускник нашей школы В. П. Каганер.

⁴⁰ Фотография предоставлена С. И. Фокиным. См.: *Fokin S. I. Otto Bütschli (1848—1920). Where we will genuflect? // Protistology. – 2013. – 8. – P. 22–35. [P. 31].*

⁴¹ Ныне г. Уральск (каз.: Орал) входит в состав Республики Казахстан.

Андреевича Бородина (1861—1937) и его супруги Лидии Сергеевны⁴². Интерес к биологии у Дмитрия носил наследственный характер – его отец происходил из старинного атаманского казачьего рода, но отказался от военной карьеры и после окончания ИСПБУ увлёкся историей и этнографией уральского казачества, а позднее ихтиологией⁴³ и в конце своей научной карьеры добился мирового признания как учёный-ихтиолог. После революции Николай Андреевич эмигрировал в США, преподавал в Русском народном университете в Нью-Йорке, позднее – в Гарвардском университете.

Не позднее 1898 г. семья Бородиных переехала в Санкт-Петербург и Дмитрий поступил в I класс гимназии. В 1906 г. при отличном поведении, вполне достаточном прилежании и особо живой любознательности к естественным наукам окончил школу со средним баллом 4,0. В том же году Дмитрий избрал для себя профессию зоолога и поступил в ИСПБУ на естественное отделение физико-математического факультета, после окончания которого в 1910 г. некоторое время работал на Полтавской опытной станции. В годы Первой мировой войны он находился в рядах действующей армии, за проявленную доблесть был награждён орденами Св. Станислава с мечами и Св. Анны на саблю с надписью «За храбрость».

Дмитрий
Николаевич Бородин

Во время Гражданской войны сражался на стороне белой армии, был ранен и эвакуировался с юга России. Зимой 1920 г, 2 декабря, прибыл в США⁴⁴ и вскоре стал заведующим Нью-Йоркским бюро прикладной ботаники, созданным им по предложению профессора Н. И. Вавилова⁴⁵. Период работы Дмитрия Николаевича на посту директора этой организации представляет для нас особый интерес. Именно к этому времени относятся и его контакты с Н. К. Рерихом⁴⁶. Источником информации является переписка Д. Н. Бородина с Н. И. Вавиловым, изданная и прокомментированная в труде Э. В. Трускинова⁴⁷. Главной целью Нью-Йоркского бюро прикладной ботаники являлась «интродукция⁴⁸ культурных и диких растений из Нового Света в Россию»⁴⁹. Уже за первое полугодие деятельности это отделение блестяще оправдало своё существование – в Советскую Россию было отправлено 20 тыс. образцов семян и большое количество научной литературы, выпускавшейся в США, Канаде и других странах по ботанической и агрономической отрасли знаний.

В середине 1920-х гг, по некоторым сведениям, Д. Н. Бородин помогал Н. К. Рериху и сотрудникам его американских учреждений осуществлять контакты

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 45732.

⁴³ Ихтиология (др.-греч. ἰχθύς – рыба; λόγος – слово) – раздел зоологии, изучающий рыб и круглоротых.

⁴⁴ U. S. Department of Labor. Immigration Service. Certificate of arrival #2295114.

⁴⁵ Вавилов Николай Иванович (1887—1943) – российский генетик, растениевод, географ, академик АН СССР, академик и первый президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ).

⁴⁶ О Н. К. Рерихе, выпускнике гимназии 1893 г., см. в статье М. Т. Валиева «“Мир искусства” школы Карла Мая». – С. 288–289 настоящего сборника.

⁴⁷ Трускинов Э. В. Русское сельскохозяйственное представительство в Америке: (в свете переписки Н. И. Вавилова и Д. Н. Бородина). – СПб., 2012. (Далее: Трускинов Э. В.)

⁴⁸ Интродукция (от лат. introductio – введение) – преднамеренное или случайное переселение особей какого-либо вида животных и растений за пределы естественного ареала в новые для них места обитания.

⁴⁹ Трускинов Э. В. – С. 11.

с Советской властью. Впрочем, оценки личности Дмитрия Николаевича в письмах и воспоминаниях Н. К. Рериха носят неоднозначный характер⁵⁰. В письмах Е. И. Рерих от 1925 г. Д. Н. Бородин фигурировал под именем «Дядя Борис» и фактически выступал в качестве посредника в отношениях Николая Константиновича с Москвой, в том числе в переговорах о горнодобывающей концессии на Алтае. Постепенно «советско-американский агроном» включился в великий азиатский проект Н. К. Рериха и помогал ему наладить связи с «полезными» чиновниками не только в высших эшелонах советской Москвы, но и в США. Некоторые считали Д. Н. Бородин «тёмной лошадкой» и подозревали в двойной игре по отношению к Николаю Константиновичу и его окружению. Однако последний не верил распространяемым слухам о сотрудничестве Дмитрия Николаевича с Коминтерном и поддерживал с ним отношения до конца существования бюро.

Нью-Йоркское бюро прикладной ботаники просуществовало в первичном своём состоянии не более трёх лет, с октября 1921 г. до мая 1924 года. Затем его преобразовали в Русское сельскохозяйственное бюро в Америке (Russian Agricultural Agency), и в качестве такового оно выполняло функции представительства Народного комиссариата земледелия РСФСР (Наркомзем) в США до апреля 1927 года. Сельскохозяйственное бюро осуществляло снабжение аграрного сектора России не только семенами, но и сельхозоборудованием, а также осуществляло импорт животноводческих пород. Именно на почве расхождения во взглядах на характер деятельности бюро, его «всеядности» между Н. И. Вавиловым и Д. Н. Бородиным возникли первые разногласия. Стиль работы изрядно «американизированного» Дмитрия Николаевича не удовлетворял Н. И. Вавилова – коммерческие интересы у Д. Н. Бородина всегда превалировали над научными. Впрочем, разногласия во взглядах не мешали Николаю Ивановичу быть главным защитником и поручителем Д. Н. Бородина в Наркомземе, отношения с которым у «русского американца» складывались весьма негативно. Как справедливо утверждает Э. В. Трускинов: *«Д. Н. Бородин в переписке с Н. И. Вавиловым предстаёт личностью очень неоднозначной и противоречивой. Это проявляется во многом и, в частности, именно в его отношении к науке. То он от неё демонстративно отстраняется, отдавая приоритет практическим задачам и коммерции, то вдруг впадает в другую крайность. После ухода из бюро он воспылал тягой к науке, зарываясь в научные опыты довольно спорного толка (митогенетические лучи Гурвича, яровизация по Лысенко⁵¹). Похоже, что в науке его привлекает прежде всего сенсационность, а не кропотливый, исследовательский, “монашеский”, по выражению Н. И. Вавилова, труд, для которого он явно не создан»⁵².*

Действительно, в науке Д. Н. Бородин не преуспел, он так и не написал книгу «Полевые культуры США», которую неоднократно и так настоятельно рекомендовал ему подготовить Н. И. Вавилов. Однако нужно отдать должное вкладу Дмитрия Николаевича в формирование коллекции Всесоюзного института растениеводства⁵³ – образцы, предоставленные им, до сих пор составляют часть бесценной коллекции.

Его работа на посту представителя Наркомзема и главы Русского сельскохозяйственного бюро в Америке продолжалась вплоть до 1927 года. Растениевод,

⁵⁰ Andreyev A. The Myth of the Masters Revived. The Occult Lives of Nikolai and Elena Roerich. – [Leiden]: Brill, 2014. (Eurasian Studies Library).

⁵¹ Borodin D. N. Yarovization formulas for winteroats. – NY: Dmitry N. Borodin, 1934.

⁵² Трускинов Э. В. – С. 100.

⁵³ В настоящее время Всероссийский институт растениеводства им. Н. И. Вавилова.

имея богатый практический опыт работы в США, обеспечивал закупки семян в Америке, но вскоре погряз в тяжбах с ведущими государственными и коммерческими учреждениями в СССР. Постепенно угасла и переписка Д. Н. Бородин с Н. И. Вавиловым.

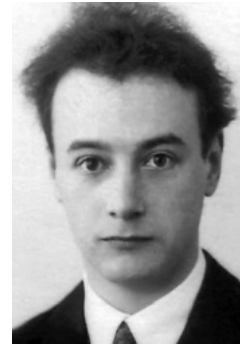
По непроверенным данным, Дмитрий Николаевич являлся активным участником Русского объединённого общества взаимопомощи в Америке (РООВА)⁵⁴, целью которого, помимо взаимной поддержки, было сохранение русской культуры, самобытности и духовности. На выкупленной в штате Нью-Джерси земле были построены дома, библиотека им. Л. Н. Толстого, дом для престарелых им. А. С. Пушкина, две церкви и парк. Впоследствии был поставлен памятник А. С. Пушкину и памятник ветеранам, погибшим во время Первой и Второй мировых войн. Это место стало известно как ферма РООВА. Многие члены РООВА построили вокруг общественного центра дома и жили здесь круглый год. Летом устраивался лагерь для детей.

По утверждению Е. В. Раменского, в 1930-х гг. Дмитрий Бородин собирался издать в США книгу о советских учёных-биологах⁵⁵. Подтверждением этому может служить и небольшая заметка, написанная им на смерть Н. К. Кольцова⁵⁶.

Некоторое время Дмитрий Николаевич работал на кафедре зоологии Колумбийского университета. Опубликовал несколько работ по агротехнике, одна из них посвящена борьбе с вредителями при помощи аэроплана⁵⁷.

Дмитрий Николаевич Бородин скончался 18 июня 1957 г.⁵⁸, похоронен на Св. Владимирском кладбище при ферме РООВА⁵⁹ на казачьем участке, отмеченном памятником «Казачи – казакам».

Альберт Максимович Лунц родился 19 сентября 1901 г.⁶⁰ в одной из богатейших семей Санкт-Петербурга. Отец, дед и дядя Альберта в разное время входили в состав Правления Сибирского торгового банка, семья жила в собственном доме на Васильевском острове. Мальчик был очень музыкален и имел абсолютный слух. В 1914/1915 учебном году он успешно учился в Петербургской консерватории⁶¹. Учителя демонстрировали его как уникальное дарование и пророчили блестящую карьеру пианиста. Но профессия музыканта не привлекала юношу, он не уставал повторять: «Я буду биологом!» Осенью 1911 г. десятилетний Альберт поступил в I класс гимназии и провёл в её стенах семь лет, учился прекрасно и окончил семь классов со средним баллом 5,0 в 1918 г., когда по решению Педагогического совета аттестаты были выданы ученикам не только восьмого, но и седьмого класса. Этот «двойной» выпуск стал последним

Альберт
Максимович Лунц

⁵⁴ Александров Е. «Фарма» РООВА в Нью-Джерси // Русский американец. – 1997. – № 21. – С. 191–194.

⁵⁵ Раменский Е. В. Жизнь после жизни // Природа. – 2002. – № 10. – С. 73–74.

⁵⁶ Borodin D. N. Dr. Nikolai K. Koltzoff // Journal of Heredity. – 1941. – № 10. – P. 347–349; Бородин Д. Н. Доктор Николай К. Кольцов. 1871–1940 // Природа. – 2002. – № 10. – С. 74–76.

⁵⁷ Бородин Д. Н. Борьба с вредными насекомыми при помощи аэроплана. – Нью-Йорк: Америк Техника, 1925.

⁵⁸ Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: в 6 т. – Т. 6. – М., 2005. – С. 164.

⁵⁹ Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1957. – № 16063.

⁶⁰ ЦГИА СПб. Ф. 144. Оп. 2. Д. 134. Л. 138.

⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 1. Д. 2453, 4087.

выпуском «старой» дореволюционной школы. Дальнейшая биография А. М. Лунца написана его правнучкой Т. Ю. Бусыгиной⁶².

«В 1919 г. Альберт поступил на биологический факультет Петроградского университета⁶³. Однако вскоре он был вынужден прервать учёбу, так как семья переехала в Берлин. В Берлине финансовое положение семьи было гораздо скромнее. Отец, юрист по образованию, открыл свою контору, мать была вынуждена давать частные уроки игры на пианино, а Альберт начал работать переводчиком в Торгпредстве СССР. Кроме немецкого, он блестяще владел французским и читал на нескольких европейских языках. В зрелом возрасте Альберт стал полиглотом – читал на 12 языках, включая латынь. Но лингвистический талант, как и музыкальный, не отвлек его от биологии. Продолжая работать в Торгпредстве, Альберт поступил на медицинский факультет Берлинского университета им. Гумбольдта. Его интересовала не столько медицина, сколько биология – микроорганизмы, проблематика развития живых организмов, эмбриогенез. После окончания учёбы он не покинул университет, а приступил к работе в Институте радиационных исследований при Берлинском университете. Его исследования были посвящены влиянию световых стимулов (фототаксис) и облучения радием на микроорганизмы. В 1926 г. вышла в свет его первая публикация о развитии коловраток⁶⁴. В Берлине он познакомился со своей будущей женой Татьяной Васильевной Старковой, которая также училась на медицинском факультете Берлинского университета. Татьяна Васильевна была дочерью заместителя торгпреда СССР в Берлине Василия Васильевича Старкова, одного из основателей Петербургского “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”, соратника В. И. Ленина по ранней революционной деятельности⁶⁵. Таким причудливым образом переплелись судьбы двух совершенно разных семей.

В 1932 г. Альберт с женой и четырёхлетним сыном Георгием вернулся в Советский Союз. Получение советского паспорта было довольно сложной задачей. Свою положительную роль сыграло его активное участие в деятельности Союза советских студентов в Германии. Альберт Максимович работал в Биологическом институте им. К. А. Тимирязева Комакадемии при ЦИК СССР⁶⁶. Он продолжал заниматься протистологией⁶⁷, изучал в т. ч. влияние на простейшие микроорганизмы электрической стимуляции. В 1936 г. в возрасте 35 лет А. М. Лунц без защиты кандидатской диссертации получил степень доктора наук по совокупности работ.

Когда наступил печально известный 1937 г. и среди сотрудников и коллег Альберта Максимовича начались аресты, он решил уехать из Москвы и переждать этот период в каком-нибудь менее заметном учреждении. Выбор пал на Саратов, и в 1939 г. А. М. Лунц вступил в должность заведующего кафедрой общей биологии в Саратовском государственном медицинском университете им. В. И. Разумовского (СГМУ). Однако в 1948 г. над головой Альберта Максимовича

⁶² Искренняя благодарность Татьяне Юрьевне Бусыгиной за подготовленный материал.

⁶³ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 3. Д. 88.

⁶⁴ Luntz A. Untersuchungen über den Generationswechsel der Rotatorien // I. Die Bedingungen des Generationswechsels. – Berlin: Univ. Diss., 1926.

⁶⁵ Кутырев П., Алексеев А., Чулков А. Василий Старков. [1869—1925]. – Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1972. (Солдаты революции).

⁶⁶ В настоящее время Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН.

⁶⁷ Протистология (от греч. πρῶτιστος – самый первый; λόγος – слово) – раздел биологии, изучающий мелкие, преимущественно одноклеточные, эукариотные организмы – протисты.

вновь стали сгущаться тучи. В августе этого года состоялось расширенное заседание Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (знаменитая т. н. августовская сессия ВАСХНИЛ), на котором произошло решающее столкновение сторонников Т. Д. Лысенко⁶⁸ – представителей идеологически правильной “мичуринской агробиологии” – и классической генетики. В результате последние были официально объявлены лжеучёными, которых презрительно называли “вейсманистами-морганистами”. По всей стране прошла волна “разоблачений” и увольнений многих научных работников. В их числе оказался и Альберт Максимович, которого освободили от заведования кафедрой и отстранили от преподавательской деятельности “за пропаганду лжеучения Менделя и вейсманизм-морганизм”⁶⁹. Не был принят во внимание даже тот факт, что генетикой учёный не занимался.

После увольнения из СГМУ А. М. Лунца работал в Саратовском научно-исследовательском институте ортопедии и восстановительной хирургии, куда пришёл по приглашению основателя и директора института С. Р. Миротворцева, преподавал на фельдшерских курсах и сотрудничал с санэпидстанцией. Со смертью И. В. Сталина закончились и гонения на генетику. Альберту Максимовичу опять предложили кафедру, но он категорически отказался. В 1964 г. он вернулся в Саратовский медуниверситет, но уже исключительно в качестве научного сотрудника. В 1962 г. при СГМУ была организована Центральная научно-исследовательская лаборатория (ЦНИЛ СГМУ), и спустя четыре года его назначили заведующим одной из лабораторий. В ЦНИЛ он занимался исследованиями в области онкологии и генетики. После выхода на пенсию остался при ЦНИЛ консультантом. Несмотря на официальный статус пенсионера, продолжал много и активно работать, проводил лабораторные эксперименты, публиковал результаты в биологических журналах.

К сожалению, после гонений 1948 г. опубликованные работы А. М. Лунца оказались под запретом и выбыли из научной дискуссии в СССР, а потом и в современной России. Книги биолога невозможно найти в российских библиотеках и электронных базах данных. Его фундаментальные труды недоступны исследователям⁷⁰. Особенно обидно, что при этом ведущий отечественный учёный получил широкое признание за рубежом – изданный в 1935 г. на немецком языке сборник работ сотрудников Биологического института им. К. А. Тимирязева под редакцией А. М. Лунца⁷¹ доступен даже в голландских и китайских (!) библиотеках. Изданная на немецком языке работа о коловратках есть в библиотеках Германии, Франции и даже в Музее сравнительной биологии Гарвардского университета США. Статьи учёного активно цитируются в европейских публикациях.

⁶⁸ Лысенко Трофим Денисович (1898—1976) – российский агроном, академик АН УССР (1934) и АН ССР (1939), академик (1935) и президент (1938–1956 и 1961–1962) ВАСХНИЛ, директор Института генетики АН СССР в Москве. Создатель псевдонаучной концепции наследственности, изменчивости и видообразования, названной им «мичуринской биологией» и политически противопоставленной т. н. буржуазному вейсманизму-морганизму (т. е. классической генетике).

⁶⁹ Гижов В. А. Идеологические кампании в вузах Нижнего Поволжья в 1946–1949 гг. // Стрелец. – Вып. 7. – Волгоград, 2009. – С. 119–126; *Домарадский И. В.* Перевёртыш. – М., 1995.

⁷⁰ Заметка об А. М. Лунце / сост. Н. В. Новосёлова // Календарь знаменательных и памятных дат истории медицины. 2012 год. – [Саратов: СГМУ, 2012]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа (дата обращения: 02.11.2014): <http://library.sgmu.ru/Files/Calender%202012.htm>.

⁷¹ *Luntz A. M.* (Hg.) Probleme der theoretischen Biologie: Arbeiten aus d. Timirjaseff-Institut f. Biologie Moskau, hrsg. zum 15. Todestag von K. A. Timirjaseff. – М.: Inra, 1935.

Альберт Максимович умер в 1977 г. в Саратове. Многие бывшие студенты СГМУ берегут память о своём учителе и традиционно приезжают в Саратов поклониться могиле Лунца».

Необычной выглядит судьба художника и зоолога **Бориса Владимировича Пестинского** (1902—1943)⁷². Подробный рассказ о Пестинском-живописце приведён в статье этого сборника, посвящённой художникам, учившимся в школе К. Мая⁷³. Здесь мы остановимся немного подробнее на профессиональной биографии зоолога Пестинского. Увлечение животным миром проявилось у Бориса ещё в детском возрасте – сохранился целый ряд его детских рисунков с изображениями различных реальных и нереальных животных. В 1919 г., после окончания школы Борис одновременно с учёбой в Академии художеств начал изучать зоологию в Географическом институте, однако вскоре занятия в институте забросил и изучал зоологию самостоятельно. Начинаящий зоолог успешно сочетал учёбу с практикой – работал как зоолог в Ленинградском зоологическом саду, на Лахтинской экскурсионной станции и в Музее природы северного побережья Невской губы. Экскурсии Бориса Владимировича были столь увлекательны и интересны, что многие дети в дальнейшем избрали зоологию своей специальностью. В марте 1932 г. Лахтинская экскурсионная станция и Музей природы северного побережья Невской губы были расформированы. Б. В. Пестинский был арестован и приговорён к высылке в Среднюю Азию на три года. В 1934 г. он устроился на работу в Зоологический сад в Ташкенте, где вскоре по его инициативе был организован отдел герпетологии⁷⁴, который он возглавил совместно с профессором фармакологии Н. Н. Компанцевым. Борис Владимирович занимался научными исследованиями биологии ядовитых змей и свойств их ядов, изучал особенности жизни в неволе других рептилий. Свои работы он проводил в контакте с медиками, которые изучали обезболивающие свойства ядов змей⁷⁵. За годы работы с пресмыкающимися Б. В. Пестинский был четыре раза укушен ядовитыми змеями: обыкновенной гадюкой ещё в конце 1920-х гг. в Ленинграде, эфой в 1935 г., щитомордником в 1936 г. и гюрзой в 1937 г. в Ташкенте. В результате последнего укуса в указательном пальце правой руки началась гангрена, и его пришлось ампутировать. Отсутствие этого пальца, которым при работе брались змеи, лишило возможности продолжить работу с пресмыкающимися. По рассказам родственников, укусы ядовитых змей сказались на здоровье Бориса Владимировича, и 13 марта 1943 г. он скончался. Наши попытки найти место захоронения на Боткинском кладбище г. Ташкента не увенчались успехом.

⁷² Пестинский Б. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа (дата обращения: 04.10.2014): <http://www.proza.ru/2010/11/28/1703>.

⁷³ См. статью М. Т. Валиева «"Мир искусства" школы Карла Мая». – С. 316–317 настоящего сборника. Там же см. фото Б. В. Пестинского.

⁷⁴ Герпетология (от др.-греч. ἑρπετόν – пресмыкающееся, змея; λόγος – слово) – раздел зоологии, изучающий земноводных и пресмыкающихся.

⁷⁵ Пестинский Б. В. Работа с ядовитыми змеями в Ташкенте // Вестник знания. – 1937. – № 3. – С. 23–26; Пестинский Б. В. Материалы по биологии ядовитых змей Средней Азии, их ловле и содержанию в неволе // Труды Узбекстанского зоологического сада. – Т. 1. – Ташкент, 1939. – С. 4–62.

Значительный вклад в физиологическую науку сделал ученик И. П. Павлова **Георгий Павлович Конради**⁷⁶ – создатель научной школы, автор более 80 работ и публикаций и один из авторов неоднократно переиздававшегося учебника по нормальной физиологии человека⁷⁷. В его работах нашли отражение исследования по физиологии кровообращения и физиологии труда⁷⁸.

Георгий родился 27 мая 1905 г. в Санкт-Петербурге. Его мать, Вера Германовна Конради (1877—1942), была дочерью управляющего имениями великого князя Константина Николаевича (1827—1892), агронома, помещика Германа Карловича Конради (1833—1882) и его супруги Алины Ивановны (1849—1932, во втором замужестве Брюлловой). В I класс гимназии Георгий поступил осенью 1915 г. и выбыл после окончания II класса в 1917 г. из-за революционных событий.

Высшее образование юноша получил в Петроградском (Ленинградском) университете на биологическом отделении физико-математического факультета, который он окончил в 1925 году. Георгий продолжил учёбу в 1925–1928 гг. в аспирантуре, в лаборатории физиологии высшей нервной деятельности университета под руководством будущего академика Алексея Алексеевича Ухтомского. Одновременно с 1923 г. он работал в физиологической лаборатории Военно-медицинской академии под руководством академика Ивана Петровича Павлова, а с 1928 по 1934 г. – в Институте по изучению профессиональных болезней им. В. А. Обуха⁷⁹ в Москве и в Ленинградском НИИ гигиены труда и профзаболеваний⁸⁰. В это же время Г. П. Конради проводил свои эксперименты в отделе общей физиологии Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ)⁸¹, которым заведовал тогда будущий академик Константин Михайлович Быков. Георгию Павловичу неоднократно приходилось отрицательно отвечать на вопросы о его родстве с владельцем шоколадных фабрик Виктором Маврикиевичем Конради и его племянником, бывшим белогвардейским офицером Морисом Конради, убившим советского дипломата В. В. Воровского⁸². В действительности никакого родства у него с «шоколадными» Конради не было, и тем не менее в 1934 г. его арестовали, сослали, и он вынужден был работать в 1935 г. ассистентом в Саратовском мединституте, а в 1936 г. – заведующим кафедрой в Сталинградском мединституте. В 1936 г. учёный был освобождён от ссылки и ему была выдана соответствующая справка. На её основании ему разрешили получить паспорт. В этом же году Георгию Павловичу была присвоена учёная степень кандидата медицинских наук без защиты диссертации по совокупности опубликованных работ. В 1939 г. Г. П. Конради был прикомандирован, а в 1940 г. зачислен в штат Ленинградского филиала ВИЭМ. Периодически работал в Сухумском заповеднике, затем в Тбилиси и Саратовском мединституте, где подготовил докторскую диссертацию, которую защитил

⁷⁶ *Валиев М. Т.* Конради Георгий Павлович: [биографич. страница]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа (дата обращения: 12.11.2014): http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=1555.

⁷⁷ *Конради Г. П.* Учебник по нормальной физиологии человека. – М.: Медгиз, 1955.

⁷⁸ Физиология кровообращения. Физиология сердца / Г. П. Конради, В. В. Глаголева, Ю. С. Чечулин и др. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980; *Конради Г. П.* Общие основы физиологии труда: 203 рис. в тексте / Г. П. Конради, А. Д. Слоним, В. С. Фарфель. – М.; Л.: Биомедгиз, 1934.

⁷⁹ Совр. НИИ медицины труда им. академика Н. Ф. Измерова.

⁸⁰ Совр. Северо-Западный научный центр гигиены и общественного здоровья.

⁸¹ Совр. Институт экспериментальной медицины (ИЭМ).

⁸² Воровский Вацлав Вацлович (1871—1923) – революционер, публицист, один из первых советских дипломатов. Убит 10 мая 1923 г. на Лозаннской конференции.

в Москве в 1944 году. После этого Георгий Павлович работал до 1950 г. заведующим кафедрой нормальной физиологии в Киргизском мединституте в г. Фрунзе⁸³, а затем, до 1952 г., – в Омском мединституте. Какое-то время он даже совмещал эти должности. В 1952 г. учёный был приглашён в Москву в связи с подготовкой учебника по нормальной физиологии под редакцией К. М. Быкова для студентов медицинских вузов. Учебник затем неоднократно переиздавался. В 1957 г. он возглавил лабораторию физиологии кровообращения Института физиологии им. И. П. Павлова АН СССР в Ленинграде. По словам дочери, Татьяны Георгиевны Антоновой (урожд. Конради), «*всю жизнь он с большим почтением говорил и писал о своих учителях – И. П. Павлове, А. А. Ухтомском, И. С. Бериташвили*⁸⁴».

Главным направлением научной мысли учёного была система кровообращения, что отражено в двух его основополагающих работах: «К истории развития учения о рефлексе» (1940) и «Сосудодвигательный центр и симпатическая иннервация сосудов» (1948). В те годы, когда он начинал свой научный путь, лишь некоторые лаборатории в нашей стране были заняты исследованием кровообращения. Понадобились особые усилия и новая техника регистрации показателей гемодинамики, чтобы физиология кровообращения привлекла всеобщее внимание. В этом состояла немалая заслуга Г. П. Конради и его учеников. Две его монографии – «О механизмах регуляции сосудистого тонуса» (1969) и «Регуляция сосудистого тонуса» (1973) – дают представление о принципах исследования периферического кровообращения и факторов, причастных к поддержанию сосудистого тонуса. На этой основе учёный расшифровал природу сосудистого тонуса и роль химических и механических стимулов в его регуляции. Физиолог умел находить неординарные методические решения сложных вопросов регуляции кровообращения.

Энциклопедическая эрудиция и острая критическая направленность научного мышления Георгия Павловича проявились в его многочисленных выступлениях, обзорах, рецензиях. Многие помнили, каким блестящим мастером научной полемики он был. В то время трудно было представить какой-либо симпозиум, конференцию или совещание без его участия. Он всегда был своеобразным катализатором, приводящим в движение разработку рассматриваемой проблемы. Без участия Г. П. Конради такие совещания теряли остроту и живость.

По воспоминаниям учеников, сотрудников и родственников, Георгий Павлович был обаятельным человеком, живым и остроумным собеседником, знал и любил русскую и иностранную литературу, глубоко изучал историю страны, в совершенстве знал французский язык, не встречал затруднений в работе и с использованием английского и немецкого языков. Был отзывчивым и внимательным руководителем и товарищем⁸⁵.

Георгий Павлович Конради скончался в Ленинграде 19 июня 1981 года⁸⁶.

⁸³ С 1991 г. – г. Бишкек.

⁸⁴ Бериташвили Иван Соломонович (1874—1974) – грузинский физиолог, основатель и руководитель физиологической школы в Грузии, академик АН СССР (1939), АН Грузинской ССР (1941), АМН СССР (1944).

⁸⁵ Благодарим Татьяну Георгиевну Антонову (урожд. Конради), дочь Г. П. Конради, за многолетнее доброжелательное сотрудничество с Музеем истории школы и помощь в подготовке материала.

⁸⁶ *Дворецкий Д. П., Осадчий Л. И.* Георгий Павлович Конради: (к 100-летию со дня рождения) // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. – 2005. – № 5. – С. 594–596.

Следующие герои очерка учились уже в советское время, в довоенный период, в школах №№ 15, 12, 217, 17 – преемницах учебного заведения К. Мая. Однако, несмотря на утрату «майских традиций», даже это сложное время становления новых педагогических принципов отмечено несколькими интересными именами.

Татьяна Сергеевна
Прилежаева

В области физиологии работала **Татьяна Сергеевна Прилежаева**⁸⁷. Она родилась 9 ноября 1905 г. в Санкт-Петербурге в семье действительного статского советника, старшего делопроизводителя Канцелярии законодательного отдела Государственной Думы Сергея Васильевича Прилежаева. Дед по отцовской линии происходил из г. Олонца, учился в Петербурге, затем до самой смерти служил настоятелем собора Св. благоверного князя Александра Невского в Париже. Бабушка была дочерью настоятеля Смольного собора столицы. Александра Ивановна Прилежаева (урождённая Петрова), мать Татьяны, – дочь купца Ивана Ивановича Петрова, председателя Земской управы Петергофа.

В 1905 г. семья Прилежаевых жила на Петербургской стороне, в кв. 6 д. 27 по Церковной улице⁸⁸, напротив Князь-Владимирского собора. Из писем Татьяны Сергеевны послереволюционного периода стало известно, что она училась сначала в женской рукодельно-хозяйственной школе, располагавшейся в д. 20 по Среднему проспекту Васильевского острова⁸⁹, затем, с 1919 (1918?) по 1923 г., – в СЕГШ, с 1922 г. существующей под № 217. Отметим, что в то время в школе уже учился её старший брат – Сергей Прилежаев (1903—1979), будущий физик⁹⁰. Татьяна Сергеевна с детства интересовалась медициной и хотела поступить в медицинский институт, однако продолжила обучение на французском отделении филологического факультета Педагогического института. Несмотря на филологическое образование, её увлечение медициной не прошло, и с конца 1920-х до конца 1930-х гг. она занималась научной работой в лаборатории биофизики в Ленинградском физико-техническом институте (ЛФТИ) под руководством Глеба Михайловича Франка, бывшего ученика Гимназии К. Мая (1916–1917), московского биолога, впоследствии академика⁹¹. Принимала участие в медико-биологических исследованиях в Эльбрусской экспедиции. В 1932 г. лаборатория биофизики ЛФТИ вошла в состав вновь организованного на базе ЛФТИ Физико-агрономического института. Научная работа молодого биолога проходила успешно, и к середине 1930-х гг. была подготовлена диссертация. Однако в марте 1935 г. вся семья во главе с отцом, С. В. Прилежаевым, была репрессирована, и Татьяне Сергеевне вместе с родителями в трёхдневный срок пришлось выехать в ссылку в Куйбышев⁹², что, безусловно, сказалось на её работе. В конце 1930-х гг. она вернулась в Ленинград. В марте 1942 г. семья её брата С. С. Прилежаева, с которой она жила, эвакуировалась в Кисловодск. Но Татьяна Сергеевна

⁸⁷ Прилежаев Д. С., Прилежаев И. Д. Прилежаева Татьяна Сергеевна: [биографич. страница]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа (дата обращения: 12.11.2014): http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=5465.

⁸⁸ С 1923 г. – ул. Блохина.

⁸⁹ В настоящее время школа № 24 им. И. А. Крылова.

⁹⁰ О С. С. Прилежаеве см. в статье Э. А. Троппа «Физматмайцы». – С. 460–462 настоящего сборника.

⁹¹ О Г. М. Франке см.: Гамалей Ю. В., Быков О. Д., Чернышёва Н. Б. Биологи-«майцы» // На службе Отечеству. – СПб., 2012. – С. 35–36.

⁹² С 1991 г. – г. Самара.

была в столь тяжёлом состоянии, что ехать ей не разрешили. По распоряжению начальника Горздравотдела она была помещена в больницу для истощённых, где скончалась в сентябре 1942 года. Татьяна Сергеевна Прилежаева похоронена в Санкт-Петербурге на Серафимовском кладбище в братской могиле⁹³.

Елена Владимировна Котлярова⁹⁴, строго говоря, не получила классического образования биолога, но главной причиной этого было «*неправильное классовое происхождение*». С детства Елена мечтала стать врачом или биологом. Биографический очерк о Елене Владимировне Котляровой с большой любовью подготовлен её внучкой, Тамарой Вениаминовной Кунце⁹⁵. В нашей статье мы приведём несколько небольших абзацев из этого текста.

Елена Владимировна
Котлярова

«...Елена (Эли, как её называли дома) родилась 16 мая 1904 г. в Санкт-Петербурге, в доме своего деда, генерал-майора по адмиралтейству Ивана Васильевича Котлярова (1848—1923)⁹⁶. Её отец, Владимир Иванович Котляров (1877—1956), был чрезвычайно одарённым художником-пейзажистом. Мать, Елена Михайловна (урождённая Мусницкая, 1880—1919), принадлежала к древнему дворянскому роду Мусницких-Рындиных-Арсеньевых-Аксаковых⁹⁷. <...> Эли, как и полагалось девочкам её положения, с раннего детства обучалась музыке, французскому и немецкому языкам и правилам хорошего тона. В 1908 г., когда ей было четыре года, семья переехала во Францию, в Париж, где прожила четыре года. В восемь лет Эли совершенно свободно, с великолепным произношением, без акцента говорила на французском языке. Счастливая жизнь скоро закончилась. Летом 1912 г. в Петербурге от миокардита умерла бабушка, Александра Ивановна Котлярова, и семья выехала на похороны. Думали о скором возвращении в Париж, но началась Первая мировая война, Владимир Иванович был мобилизован, затем грянули революционные потрясения, и Франция осталась только в воспоминаниях. Далее последовала учёба в Гимназии Э. П. Шаффе, которая находилась совсем близко от дома, на 5-й линии Васильевского острова в доме № 16⁹⁸. Осенью 1918 г. женская гимназия Э. П. Шаффе была объединена с мужской немецкой Гимназией Карла Мая⁹⁹. Здесь бабушка училась уже в национализированной советской школе с августа 1918 г. по май 1920 г. В 1919 г. семья пережила большую трагедию – от испанки¹⁰⁰ на фоне туберкулёза умерла мама Эли. Отношения с мачехой не сложились, и Эля начала самостоятельную жизнь. Её первой должностью стала служба секретарём в Гатчинском музее. В конце концов бабушке удалось получить образование медицинской сестры, и она

⁹³ Материал подготовлен Дмитрием Сергеевичем и Иваном Дмитриевичем Прилежаевыми, сыном и внуком С. С. Прилежаева (брата Татьяны Сергеевны). Благодарим потомков за бережное отношение к памяти предков.

⁹⁴ Кунце Т. В. Котлярова Елена Владимировна: [биографич. страница]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа (дата обращения: 29.10.2014): http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=12621. Благодарим Т. В. Кунце за достойное отношение к семейной памяти.

⁹⁵ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 575.

⁹⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 3. Д. 6318.

⁹⁷ См. сноску 35 на с. 78.

⁹⁸ Благово Н. В. Школа на Васильевском острове... Ч. 2. – СПб.: Наука, 2009. – С. 14.

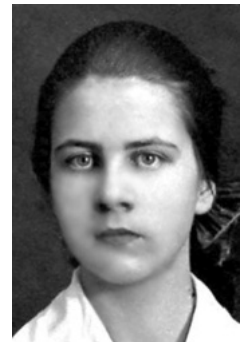
¹⁰⁰ Испанка, или испанский грипп – особая тяжёлая форма гриппа, получившая распространение в 1918–1919 годах. Охватила большинство стран мира, впервые описана в Испании. За 18 месяцев во всём мире испанкой было заражено около 550 млн человек, или 29,5 % населения планеты, умерло приблизительно 50–100 млн человек, или 2,7–5,3 % населения земли.

стала старшей операционной сестрой в больнице им. И. И. Мечникова. Борьбу за поступление в институт бабушка не оставила и вскоре, перед началом Второй мировой войны, в 1938 г., закончила с отличием Вторую медицинскую школу им. И. И. Мечникова¹⁰¹. Она работала судебно-медицинским экспертом при Горздравотделе и при кафедре патологической анатомии и судебно-медицинской экспертизы в Военно-медицинской академии. Во время Отечественной войны Елена Владимировна осталась в блокадном Ленинграде, дважды чудом избежала гибели. В конце 1941 г. у бабушки случился абсцесс лёгких, она лежала уже почти при смерти, но выжила благодаря лекарствам, которые удалось достать чудом. Главному хирургу Ленинградского фронта Д. Н. Верховскому были необходимы врачи, и ослабленную, закутанную в одеяло бабушку на саночках перевезли в госпиталь на Барочной улице, где она начала делать лабораторные исследования для всего госпиталя. Она была великолепным гистологом и патологом.

Во время блокады бабушка потеряла почти всех родных. После войны Елена Владимировна работала врачом-лаборантом. Её необычайная тщательность снискала ей славу очень знающего гематолога. Когда очередной мазок крови был непонятен, говорили: «Дайте Елене Владимировне!» – и действительно, через два часа работы с микроскопом диагноз становился ясным.

В 1988 г., когда бабушке было 84 года, она переехала в Германию, где прожила ещё десять лет и умерла в кругу своей семьи».

Ольга Александровна Грабовская¹⁰² родилась 28 мая 1908 г. в пос. Царская Славянка¹⁰³ Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии в семье Александра Васильевича Зконопниц-Грабовского, директора Царскославянской писчебумажной фабрики. Ольга училась в 1918–1919 гг. в СЕТШ, с июня 1919 г. существовавшей под № 15, в 7 и 8 классах. В бывшей «майской» школе, кроме Ольги Грабовской, в разное время учились её родная сестра Елена Александровна (1904—1985), а также четверо двоюродных братьев Горбуновых, один из которых, Н. П. Горбунов (1892—1938), стал секретарём В. И. Ленина, другой – крупным гидробиологом¹⁰⁴. Реальное училище К. Мая в 1918 г. закончил и её родной брат Василий Александрович Зконопниц-Грабовский (1901—1967), в будущем химик¹⁰⁵.

Ольга Александровна Грабовская

Ольга поступила в 1925 г. в Ленинградский сельскохозяйственный институт¹⁰⁶ на кафедру агропочвоведения и окончила его в 1930 году. Под руководством будущего академика Б. Б. Плынова О. А. Грабовская участвовала в 1928–1929 гг. в почвенной экспедиции АН СССР в Закавказье. С 1930 по 1935 г. работала

¹⁰¹ См. сноску 55 на с. 461.

¹⁰² Керзум П. П., Керзум А. П. Грабовская Ольга Александровна: [биографич. страница]. [Электронный ресурс]. – режим доступа (дата обращения: 29.10.2014): http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=12635.

¹⁰³ Ныне пос. Коммунар близ Павловска, под Санкт-Петербургом.

¹⁰⁴ О Г. П. Горбунове см.: Гамалей Ю. В., Быков О. Д., Чернышёва Н. Б. Биологи-«майцы» // На службе Отечеству. – СПб., 2012. – С. 26–28.

¹⁰⁵ О В. А. Зконопниц-Грабовском см. в статье Н. Б. Чернышёвой, Л. В. Черных, М. Т. Валиева «Химики – учителя и ученики школы на Васильевском острове». – С. 503–504 настоящего сборника.

¹⁰⁶ См. сноску 106 на с. 510.

в Почвенном институте им. В. В. Докучаева АН СССР младшим научным сотрудником. Ольга Александровна под руководством профессора А. А. Роде (1896—1979) проводила исследования в области генезиса и картирования почв в Ленинградской и Новгородской областях, а также по проблеме «Большой Волги». В 1935 г. она перешла в лабораторию почвенных коллоидов в Ленинградское отделение Всесоюзного института удобрений и агропочвоведения им. К. К. Гедройца (ЛОВИУА) ВАСХНИЛ. По приглашению Совета по филиалам АН СССР в 1936 г. Ольга Александровна приняла участие в организации Вахшской почвенно-мелиоративной станции Таджикской базы АН СССР под руководством профессора И. Н. Антипова-Каратаева в должности старшего научного сотрудника и руководителя лаборатории химии почв Вахшской почвенно-мелиоративной станции Таджикской базы, затем филиала АН СССР. В послевоенные годы, с 1951 по 1955 г., работала в той же должности в Институте почвоведения, мелиорации и ирригации АН Таджикской ССР.

Ольга Александровна принадлежит к группе основоположников систематического изучения почв Таджикистана, создателей таджикостанской почвоведческой школы. Она является автором 28 печатных работ, в том числе одной монографии. В 1944 г. в Институте почвоведения АН СССР О. А. Грабовская защитила кандидатскую диссертацию по теме «Типы почв Вахшской долины и процессы их засоления». Без отрыва от основной работы в декабре 1945 г. её зачислили в докторантуру. В качестве внештатного преподавателя кафедры географии почв ЛГУ Ольга Александровна в 1947 и 1948 гг. читала курс лекций по мелиорации почв. С 1956 по 1958 г. она работала старшим научным сотрудником Центрального музея почвоведения им. В. В. Докучаева АН СССР. Она была избрана действительным членом Географического общества СССР. В Вахшской долине О. А. Грабовской были организованы постоянные наблюдения за режимом древних и молодых солончаков и поставлены длительные модельные эксперименты по первичному засолению и последующему рассолению лёссовидных суглинков, а также почв различного гранулометрического состава в естественных условиях и на монолитах в лаборатории. Вывод о том, что временная солонцеватость может возникнуть при рассолении луговых сульфатных солончаков и при наличии в них гипса, был новым для того времени. В результате дана характеристика солончаков и засоленных почв, указаны причины и условия их возникновения и рекомендованы первоочередные мероприятия по их мелиорации. Работы О. А. Грабовской позволили разрешить проблему рассоления почв Вахшской долины, подвергшейся вторичному засолению в ходе ирригационных работ Вахшстроя, и сопредельных долин южного Таджикистана и легли в основу агро-мелиоративной части производственных проектов переустройства оросительных и дренажных систем долин юго-западного Таджикистана.

Другим направлением деятельности Ольги Александровны было изучение динамики процессов почвообразования основных типов почв Таджикистана по вертикальным зонам до высот более 4 тыс. метров. Здесь её исследования были направлены на изучение характера и интенсивности круговорота органических веществ и влияния этих процессов на изменение минеральной части почв.

В Центральном музее почвоведения им. В. В. Докучаева О. А. Грабовская организовала экспозицию почв Средней Азии и вела научную работу по теме

«Сравнительная характеристика процессов почвообразования в различных областях лесной зоны», в рамках которой проводила полустационарные исследования почв в Ленинградской, Кировской и Псковской областях. Ольга Александровна награждена двумя медалями «За трудовую доблесть», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», грамотой Верховного Совета Таджикской ССР.

Ольга Александровна Грабовская скончалась 6 апреля 1958 г. в Ленинграде, не успев защитить уже подготовленную докторскую диссертацию. Похоронена на Богословском кладбище¹⁰⁷.

Иван Валерианович Вебер родился 23 декабря 1909 г. в интеллигентной семье. Отец, Валериан Николаевич Вебер (1871—1940), – профессор, талантливый исследователь геологии и полезных ископаемых, крупнейший специалист по фауне трилобитов (древнейших ископаемых ракообразных) и стратиграфии палеозоя, преподаватель Горного института. Мать, Елена Васильевна Бекарюкова, – учительница в школе, умерла в блокаду в Ленинграде.

Иван Валерианович Вебер

В семье об Иване сохранились воспоминания как о любимом всеми, добром мальчике. Он поступил в СЕТШ № 12 в 1920 г. и окончил девять классов уже 217-й школы в 1926 году. В 1930–1935 гг. в школе училась и сестра Ивана – Клавдия Валериановна Вебер (1917—1995), будущий химик¹⁰⁸. Иван поступил в Ленинградский государственный университет на кафедру зоологии позвоночных и увлёкся орнитологией¹⁰⁹. За годы учёбы молодой зоолог опубликовал одну работу по птицам. После окончания университета много ездил в леса Ленинградской области для изучения биологии птиц. В 1936 г., вернувшись в Ленинград из командировки, Иван заболел брюшным тифом и умер дома. У него была слабая форма гемофилии, поэтому язвы в кишечнике не смогли зарубцеваться, несмотря на все усилия врачей¹¹⁰.

В области физиологии работала и талантливая **Вероника (Вера) Сергеевна Шевелёва**. Вероника родилась 18 сентября 1914 г. в Петрограде. Она приходилась племянницей историку и искусствоведу Николаю Ильичу Архипову, близкому другу поэта Н. А. Клюева. Последний был крёстным отцом девочки.

В 1922 г. Вероника поступила в 1 класс СЕТШ № 12 (в октябре того же года получившей № 217) и училась в нашей школе до 1929 года. Нужно сказать, что в одном классе с Вероникой учились семь (!) будущих докторов наук.

¹⁰⁷ Материал подготовлен сыновьями Ольги Александровны Грабовской – Павлом Паульевичем и Андреем Паульевичем Керзумами. Благодарим за достойное отношение к семейной памяти.

¹⁰⁸ О К. В. Вебер см. в статье Н. Б. Чернышёвой, Л. В. Черных, М. Т. Валиева «Химики – учителя и ученики школы на Васильевском острове». – С. 522 настоящего сборника.

¹⁰⁹ Орнитология (от др.-греч. ὄρνις (ὄρνιθος) – птица; λόγος – слово) – раздел зоологии позвоночных, изучающий птиц.

¹¹⁰ Сведения об И. В. Вебере предоставлены его племянницей Галиной Ксенофонтовной Мироновой. Фотография из архива Музея истории школы К. Мая.

Это был чрезвычайно способный класс. К сожалению, в 1929 г. его расформировали (раскассировали) и всех учеников распределили по разным школам. Среднее образование Вероника завершила уже в другой школе.

«Круг её интересов удивительно многообразен. Она окончила музыкальную школу и мечтала стать актрисой. Сцена, где сталкиваются чувства и страсти, где искусство обнажает глубочайшие тайны людской природы, волновала её воображение. <...> Однако интерес к театру не помешал ей увлечься чисто практической деятельностью. Она поступила в механический техникум и преуспела в математике. Влечение к технике вскоре было подавлено другим. Возвращенная драматическими коллизиями в произведениях Достоевского, девушка решила изучить психологию, проникнуть в механизмы, которые подобную сложность создают. Новое увлечение изменило и эти планы»¹¹¹.

Вероника (Вера)
Сергеевна Шевелёва

В 1932 г. Вероника поступила в ЛГУ на биолого-почвенный факультет. Заинтересовавшись физиологией высшей нервной деятельности, она стала заниматься у будущего академика Константина Михайловича Быкова. В его лаборатории Вероника изучала строение нерва. В 1936 г. защитила дипломную работу на тему о влиянии фармакологических веществ на нерв. Оппонентом В. С. Шевелёвой на защите выступил академик Алексей Алексеевич Ухтомский, который выразил уверенность в том, что девушку ждёт плодотворное будущее.

В 1937 г. Вероника Сергеевна поступила на работу в ВИЭМ АН СССР и через год – в аспирантуру. В эти годы она продолжила исследования у К. М. Быкова. Молодой физиолог виртуозно преодолела трудности с выделением из нерва у лягушки отдельного нервного волокна и подтвердила предположение академика, что одиночное волокно способно передавать поток возбуждения так же, как и нервный проводник в целом. Вслед за этой работой последовало предложение научного руководителя продолжить опыты на теплокровных животных и проверить в нервном узелке в области шеи строение отдельных нервных волокон. Какая это была ювелирная работа, если учесть, что в нерве четыре тысячи волокон! Вероника Сергеевна изучала механизмы шейного нервного узла, выявила, что в узле четыре пучка, которые выделяют неодинаковые вещества, и этим достигаются различные влияния на мышцу, выяснила природу этих химических соединений. Она окончила аспирантуру в 1941 г., и для написания диссертации ей предоставили пятнадцать дней, так как заканчивался срок Учёного совета на этот год. *«Первого июля 1941 г., в один из тех дней, когда самолёты врага обрушили на город огонь и металл, аспирантка с противоголозом через плечо явилась защищать диссертацию. Тема диссертации называлась: “Механизмы передачи возбуждения в верхнем шейном узле”»¹¹².*

После защиты диссертации В. С. Шевелёва продолжала трудиться в институте, готовила сестёр для фронта, а по ночам проверяла затемнение на улицах и гасила зажигательные бомбы на крыше. Эвакуировавшись

¹¹¹ Поповский А. Д. Пути, которые мы избираем. – М., 1960. – С. 54–55.

¹¹² Там же. – С. 86.

из блокадного Ленинграда в 1942 г., она оказалась на Урале и работала вычислителем геофизической обсерватории до 1945 г., участвовала в исследованиях в области прикладной метеорологии. Вероника Сергеевна была направлена в экспедицию в Среднюю Азию, где успешно провела работу, результаты которой описаны в статьях о смешиваемости атмосферы по вертикали и об определении скорости ветра на различных высотах по наземным данным. За эти исследования В. С. Шевелёву повысили до старшего инженера, и в этой должности она вернулась в Ленинград. Собираясь продолжить свою деятельность в Геофизической обсерватории, она неожиданно встретила своих друзей из ВИЭМа, встретила К. М. Быкова и поняла, что должна заниматься любимым делом. Вероника Сергеевна вернулась в ВИЭМ, где работала до 1956 года. В 1948 г. президиум АН СССР наградила В. С. Шевелёву за достижения в науке премией им. И. П. Павлова. В 1953 г. она, уже крупный физиолог, защитила диссертацию на соискание учёной степени доктора биологических наук и в 1968 г. была утверждена в звании профессора. В 1956–1958 гг. Вероника Сергеевна работала в Институте физиологии АН СССР им. И. П. Павлова, а с 1958 по 1973 г. – в Институте эволюционной физиологии и морфологии АН СССР, где изучала процессы развития вегетативной нервной системы. Основные её научные работы посвящены исследованию функции нервной системы. В 1974 г. В. С. Шевелёва перешла в Институт цитологии АН СССР, в лабораторию физиологии клетки на должность старшего научного сотрудника и возглавила группу физиологов, исследующую новейшие методы функциональной диагностики и терапии злокачественных образований.

Несмотря на загруженность в работе, Вероника Сергеевна дважды избиралась депутатом Ленсовета, в 1950 и 1952 гг., а также членом Правления Всесоюзного общества физиологов в 1959–1964 гг.¹¹³

В. С. Шевелёва была замужем за Михаилом Ивановичем Будыко (1920—2001), крупнейшим климатологом XX в., лауреатом Ленинской премии, удостоенным этой награды за работы по тепловому балансу земной поверхности. Много раз вместе с ним ездила в Пушкинские Горы к пушкинисту, директору Пушкинского заповедника С. С. Гейченко, которого знала с детства благодаря своему дяде, историку Н. И. Архипову.

Вероника Сергеевна Шевелёва скончалась в 1986 г. в Ленинграде.

Санкт-Петербургский лесотехнический университет им. С. М. Кирова (СПбЛТУ) может гордиться именами педагогов и бывших учеников Гимназии К. Мая и её преемницы, советской школы, которые преподавали в этом вузе. Это прежде всего К. И. Май, преподававший географию в 1850–1856 гг., энтомолог М. Н. Римский-Корсаков¹¹⁴, охотовед Д. К. Соловьёв, химик А. А. Ливеровский¹¹⁵. Ученики, которые посещали нашу школу уже после войны, также достигли больших научных высот. Они были студентами и сотрудниками Ленинградской

¹¹³ Личное дело В. С. Шевелёвой в Институте цитологии РАН.

¹¹⁴ О М. Н. Римском-Корсакове см.: Гамалей Ю. В., Быков О. Д., Чернышёва Н. Б. Биологи-«майцы» // На службе Отечеству. – СПб., 2012. – С. 17–19.

¹¹⁵ Об А. А. Ливеровском и его научной работе в ЛТА см. в статье Н. Б. Чернышёвой, Л. В. Черных, М. Т. Валиева «Химики – учителя и ученики школы на Васильевском острове». – С. 507–510 настоящего сборника.

лесотехнической академии им. С. М. Кирова (ЛТА). Отметим здесь О. И. Полубояринова, В. Д. Григорьева и Е. В. Тарасова. Как писал в своих воспоминаниях один из них, В. Д. Григорьев: «Россия – крупнейшая лесная держава. Сохранение лесов является гарантией сохранения природного разнообразия и предотвращения климатической катастрофы и одной из главных составляющих устойчивого развития России»¹¹⁶.

Краткую биографию **Олега Ивановича Полубояринова**¹¹⁷ написала его коллега Галина Никитична Некрасова, текст которой мы помещаем ниже¹¹⁸. Он родился 18 апреля 1931 г. в г. Куйбышеве. Его отец, Иван Иванович Полубояринов, – преподаватель вуза, мать, Мария Борисовна, – учительница. В 1933 г. семья Полубояриновых переехала в Ленинград. Здесь они пережили блокаду и в дальнейшем связали свою жизнь с Ленинградом-Петербургом.

Олег Иванович
Полубояринов

В 1944 г. Олега приняли в 5 класс школы № 5, которую он окончил в 1950 г. с золотой медалью. В этом же году он поступил в ЛТА им. С. М. Кирова. Окончив академию, он несколько лет работал лесничим Лисинского учебно-опытного лесхоза. В 1960 г. поступил в аспирантуру ЛТА на кафедру древесиноведения и фитопатологии к профессору Александру Тимофеевичу Вакину. С этого времени началась его научная, а затем и преподавательская деятельность.

В 1963 г. Олег Иванович защитил кандидатскую, а в 1977 г. – докторскую диссертацию, был удостоен звания профессора. Темой его докторской диссертации являлось качество древесного сырья в процессе лесовыращивания. В работе над диссертацией и в дальнейших исследованиях был решён ряд теоретических и практических вопросов качества древесного сырья, показана возможность повышения уровня качества древесины в естественных лесах, а также намечены пути по управлению качеством выращиваемой древесины.

О. И. Полубояринов был признанным авторитетом в области биологического древесиноведения. Под его руководством работала группа научных сотрудников. К исследовательской работе привлекались и студенты, многие из которых успешно защитили свои дипломные проекты по выбранной в кружке теме. Под руководством и при непосредственном участии учёного был разработан ОСТ по определению плотности древесины, которым до сих пор пользуются на целлюлозно-бумажных комбинатах страны. Он принимал активное участие во всесоюзных конференциях по древесиноведению, сотрудничал с учёными Финляндии, Германии, Чехословакии и Болгарии.

В научной и преподавательской деятельности Олегу Ивановичу были присущи целеустремлённость, вдумчивость, обстоятельность. Такие его

¹¹⁶ Рукописные воспоминания В. Д. Григорьева хранятся в архиве Музея истории школы К. Мая.

¹¹⁷ Авторы статьи благодарят доцента кафедры защиты леса и охотоведения СПбГЛТУ Леонида Леонидовича Леонтьева и канд. биол. наук, выпускницу кафедры Юлию Александровну Тимофееву за предоставленное фото О. И. Полубояринова.

¹¹⁸ Благодарим Г. Н. Некрасову за хорошо подготовленный материал.

человеческие качества, как доброжелательность по отношению к коллегам и студентам, порядочность, отзывчивость, вызывали уважение окружающих.

Он автор шести монографий и учебных пособий, опубликовал более 130 научных статей в отечественных и зарубежных журналах.

Олег Иванович Полубояринов умер 15 мая 2003 г, похоронен на Смоленском православном кладбище.

Владимир Дмитриевич Григорьев родился 29 марта 1931 г. в Москве. Его отец, Дмитрий Григорьевич Григорьев, родом из бедной крестьянской семьи села Василёво Новгородской губернии, приехал в Ленинград учиться в Политехническом институте, где познакомился с Ольгой Ивановной Нечаевой, на которой вскоре женился. Она окончила медицинский техникум и работала по специальности. Производственная практика студента Дмитрия Григорьева проходила в Москве, куда он взял свою молодую жену. Именно поэтому Владимир родился в Москве, хотя детство провёл в Ленинграде на 14-й линии в д. 95б, в квартире родителей матери. В 1938 г. Володя поступил в первый класс школы № 19, которая располагалась по адресу 14-я линия В. О., д. 77. Зимой следующего года семья переехала на Охту и школу пришлось сменить.

Владимир
Дмитриевич
Григорьев

Когда началась Великая Отечественная война, уже в конце июня, спасая от бомбёжек, Володю вместе с матерью вывезли из Ленинграда в район села Любытино Боровичского округа Ленинградской области¹¹⁹. Через десять дней после приезда на место Григорьевы, получив телеграмму от отца, срочно вернулись в город, откуда эвакуировались в Уфу вместе с заводом, на котором работал отец. В 1944 г. мальчик заболел тифом и пропустил учебный год. В Ленинград мать с сыном вернулись летом 1945 г., отец приехал несколько позже с заводом.

В том же году Владимир поступил в 7 класс школы № 5. Он подружился со многими учениками, о которых потом оставил бесценные воспоминания. Многие из них стали замечательными людьми. Это Михаил Бобровский, который впоследствии окончил Кораблестроительный институт¹²⁰. *«В компании Михаил был в роли диджея – обеспечивал вечер встречи музыкой».*

Это «Исаак Богуславский, который рано увлёкся геологией. Он был очень добрым человеком. В компании был весёлым, остроумным. Когда устраивались вечера, встречи, он брал на себя святую обязанность – покупать закуски и прочие продукты. Идеальный друг и товарищ».

Самым близким другом Володи стал Вася Маркизов, сын медиков и сам в будущем врач. Объединению друзей способствовал тот факт, что *«на родительском собрании мать Володи и отец Васи узнали друг друга по совместной работе в начале тридцатых годов в сельской больнице возле Хвойной, районного центра Новгородской области».* Хвойная для Володи была хорошо знакомым местом – там жили многочисленные родственники, которых он часто посещал сначала один, а потом уже и со своим другом Василием. Василий научил Володю хорошо плавать, пользоваться фотоаппаратом.

¹¹⁹ В 1944 г. село Любытино и весь Любытинский р-н были вновь включены в состав Новгородской обл.

¹²⁰ Совр. Санкт-Петербургский морской технический университет.

Юра Нефёдов «имел склонность к иностранным языкам. Его любовь к языкам определила его дальнейшую судьбу. Он окончил ЛГУ по скандинавским языкам и уехал военным переводчиком на границу с Норвегией. В 1975 г. Юра познакомился с японским профессором-славистом, и их контакт был взаимовыгодным. Он успешно осваивал иероглифическую графику. <...> Его большой страстью было приобретение книг, большей частью старых изданий на иностранных языках. Он отличался покладистым характером, был очень остроумным и мог весь вечер рассказывать анекдоты, доводя слушателей до слёз и экстаза. Я ни с кем так долго не гулял по Ленинграду, как с Юрой. Он умер внезапно, во сне 2 февраля 1997 г. в возрасте 65 лет. Меня не покидает чувство, что слишком много мы не успели друг другу сказать... Его дом многие годы служил штабом встреч наших одноклассников <...> С уходом Юры я потерял всё, что связывало меня с Петербургом, с прошлой жизнью, где была возможность вернуться в прошлое»¹²¹.

«Я ещё со школьной скамьи со вниманием наблюдал за Геннадием Новожиловым. Мне он нравился своей ранней целеустремлённостью. Так, в 9 и 10 классах на уроках истории он в своих ответах ссылался на «Историю дипломатии»¹²², показывая свою приобретённую эрудицию. Одевался Гена скромно, даже очень, но не обращал на это внимания. Я видел, как он решительно, с азартом и смелостью в глазах брался за любое дело, которое способствовало его безостановочному движению вперёд. В последние годы учёбы он возглавил комсомольскую организацию школы. Он шёл к своей цели – поступить в МГИМО! Но туда принимали далеко не всех. Он сделал смелый манёвр – вернувшись в Ленинград, блестяще сдал экзамены и поступил в Военно-морскую медицинскую академию¹²³ <...> В нём было всё, что красит человека, но главное – отсутствовали зазнайство и эгоизм. Геннадий Новожилов, как космическая ракета, взлетел на самую вершину человеческой судьбы. Он служил на Тихом океане, поднимаясь по ступеням морской службы, попутно совершая уникальные научные открытия, защитил докторскую диссертацию, получил звание полковника...»

В 2005 г. на встрече одноклассников Владимиру суждено было последний раз увидеть и побеседовать с близким другом Володей Федотовым, бессменным старостой класса. «Володя (а мы его больше звали Вовочка) был живым, черно-волосым и кареглазым симпатичным пареньком ниже среднего роста. Он был умён, сдержан, ходил с гордо поднятой головой, чтобы казаться выше, шалил, как и все, учился легко и красиво, как-то очень по-интеллигентному <...> Володя поступил в Высшее военно-морское инженерное училище им. Ф. Э. Дзержинского¹²⁴. В наше время это было самое элитное учебное заведение».

«В школе я ничего не знал об увлечениях Никиты Благово. Потом, гораздо позднее, я узнал, что он и Толя Муравьёв занимаются спортивным

¹²¹ Подробнее о Ю. Е. Нефёдове см. в статье Т. Л. Модзалевской «Филологи – учителя и ученики школы К. Мая». – С. 222–223 настоящего сборника.

¹²² Имеется в виду издание «История дипломатии» (в 3 т. М., 1941–1945), труд советских историографов, проведших анализ международных отношений от древних времён до нашего времени.

¹²³ В 1956 г. подразделения Военно-морской медицинской академии вошли в состав Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова.

¹²⁴ Как самостоятельное учебное заведение с таким названием существовало до 1998 г., когда после объединения с ЛВВИУ им. В. И. Ленина был образован Военно-морской инженерный институт, в 2012 г. в ходе реорганизации вошедший в состав вновь образованного Военного института (Военно-морского политехнического), филиала Военно-морской академии им. адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова. В послевоенный период размещалось в здании Главного адмиралтейства.

ориентированием. <...> Мы все не заметили, что среди нас учился юноша, который, в отличие от нас, почувствовал, какую тайну хранят стены обыкновенной “средней” ленинградской школы. Заинтересоваться историей школы мог только человек, обладающий повышенным интересом к раскрытию тайн, с аналитическим складом ума, умеющий делать научные выводы из найденных материалов. <...> Трудно переоценить заслуги Н. В. Благово в восстановлении былой славы Гимназии К. Мая и её выдающихся учеников. Я считаю, что нам всем очень повезло, что мы учились с Никитой в одном классе. Он был таким, как все мы, и ничем особенным не выделялся среди нас. Но в своём разговоре с нами и преподавателями он всегда старался доказать истину. Его преданность научному анализу и выявлению фактов помогла ему завершить громадный труд, который он взял на себя, по изучению и написанию истории школы К. Мая».

Володя хорошо рисовал и всегда участвовал в подготовке стенгазеты. «В школе № 5 я был приглашён в школьную библиотеку для оформления выставки, посвящённой К. Д. Ушинскому. Как-то “историчка” попросила меня оформить какую-то витрину на патриотическую тему. Я оформил. После этого ниже четвёрки не получал, а в дальнейшем получил направление на исторические курсы при Эрмитаже с выдачей постоянного пропуска в музей. Это самая дорогая для меня награда из всех полученных впоследствии поощрений».

В 1949 г. Владимир окончил школу № 5 и поступил в Ленинградский инженерно-строительный институт¹²⁵, но через год перевёлся на лесохозяйственный факультет ЛТА. Дипломную практику проходил в Литве, под Вильнюсом, и в 1955 г. успешно окончил академию по специальности «инженер лесного хозяйства».

В. Д. Григорьева направили главным лесничим Заонежского лесхоза Петрозаводска. Через три года его приняли на работу в Аэрофотолесостроительный трест и направили в командировку в Улан-Удэ. Дали участок в деревне Шар-Азарга. В задачу молодого специалиста входило разбить лес на кварталы размером 2×4 км, прорубить просеки, поставить столбы в местах пересечения, подготовить квартальную сеть на фотоснимках. Следующая командировка последовала в район озера Байкал, на станции Слюдянка и Зима, где необходимо было обследовать сибирский кедр.

В 1959 г. Владимир женился и переехал в Москву. Там его приняли на работу лесничим Звенигородского лесничества Московской области. Вскоре его перевели в аппарат управления старшим инженером по труду и подготовке кадров. В 1963 г. Владимир Дмитриевич – уже старший инженер проектно-изыскательского объединения «Агролеспроект». Три года в этой должности В. Д. Григорьев работал в Армении, где проектировал на безлесных склонах создание посадок из сосны, берёзы, вяза и других деревьев. Безлесные места вызывают эрозию почв, и леса необходимы для закрепления песков. В Армении было в то время только 10 % леса. Владимир Дмитриевич полностью выполнил свою задачу, несмотря на трудные условия жизни в палатках и изнуряющую жару, в отрыве от семьи. В 1969 г. он был принят на должность главного инженера проекта в «Союзгипролесхоз» и возглавил руководство партиями, ведущими работы на территории Азербайджана. Его группа разрабатывала проекты борьбы с эрозией

¹²⁵ См. сноску 14 на с. 59.

почв и восстановления лесов на склонах гор республики. Уже в 1972 г. лесоведа перевели в отдел технико-экономических исследований «Союзгипролесхоза», где он возглавил работы по выполнению заказов Госплана СССР по составлению прогнозов развития лесного хозяйства и лесной промышленности СССР до 2000 года. Здесь он проработал четыре года, затем был назначен заместителем начальника Главного управления по экономике Минсельхоза РСФСР. В этой должности Владимир Дмитриевич проработал до ухода на пенсию в 1991 году. В свободное время он увлекается резьбой по дереву, дома хранятся его интересные поделки, пишет стихи, рисует, работает на садовом участке.

Евгений Васильевич
Тарасов

Евгений Васильевич Тарасов родился в Ленинграде 16 февраля 1937 г. Отец, Василий Иванович Тарасов (1915—2009), много лет проработал водителем, но в трудное послевоенное время был кочегаром. Мать, Мария Сергеевна Тарасова (1913—1997), в основном была домохозяйкой. Семья Тарасовых переехала в Ленинград из села Тарасово Курской области, где почти все жители носили эту фамилию.

О себе Евгений Васильевич пишет: *«Родился я в Ленинграде, и перед войной моя тётя (по маме) приехала к нам в гости и неожиданно предложила маме: “А почему бы мне не взять Женю к себе в деревню?” Так я оказался в маленькой деревеньке Сурки в 100 км от Ульяновска. Это был 1940-й год. Ну а дальше (хотя фронт был и далеко от нас) – голодные,*

но интересные годы войны и учёба в начальной школе.

Я не понаслышке знаю, как учиться в школе, где ученики с 1-го по 4-й класс в одной большой избе и с которыми по очереди занималась моя учительница Семёновна! И именно про неё эти частушки: “Эх, Семёновна, ей делать нечего, сидит на лесенке, поёт песенки!”

Что в деревне? Четырнадцать км от ближайшей ж/д станции Вешкайме, мороз зимой под 40°C (климат там континентальный), лыжи, конечно, самодельные, и... два брата, стоящие на моём пути в школу. В первые годы зимой я одил в школу с холщовой сумочкой, где были всего одна тетрадь и обед – хлеб и одна-две картофелины. Вот эти-то картофелины и отнимали у меня братья, которые были старше меня на три года.

А потом пришёл с фронта демобилизованный отец, инвалид войны. Он воевал два года под Ленинградом, был водителем полуторки в прожекторном полку. Отец сразу пошёл работать лесником и работал с 1943 по 1946 год. Я с родителями лето, осень и зимние каникулы жил на краю леса, в 3 км от деревни, на кордоне (так называется дом лесника). Здесь я полюбил лес, тишину, сосновый запах, прелесть песен зябликов.

Сразу после войны сначала родители, а потом и я вернулись в Ленинград, и я оказался на Васильевском острове, в родной Пятой школе.

Я пришёл в Пятую школу в 4 класс в 1950 г., после возвращения из эвакуации. Здесь было интересно: и уроки физкультуры с футболом, и кино, и первые поездки в совхоз для работы на сельскохозяйственной ниве, и девочки, появившиеся в других классах. У меня был 2-й разряд по гимнастике. Когда началось совместное обучение, нашего 10 класса оно тогда уже не коснулось.

В памяти встают и учительница английского языка, и Степан Иванович Пашков, человек с добрым сердцем, директор школы, который читал нам тогда историю. Он знал много случаев из жизни и иногда “баловал” нас своими рассказами. Вот один из них: “Еду я в трамвае и вижу: сидит женщина и читает письмо. А сзади неё стоит молодой человек и тоже читает через плечо её письмо. Женщина переворачивает страницу, а молодой человек её останавливает и говорит: “Подождите, я ещё не дочитал”.”

Преподавательница английского языка часто с восхищением рассказывала, как услышала английскую речь в трамвае и увидела, что это были её ученики – два брата. Она долго вспоминала этот случай. А надо сказать – и это известно, – что тогда язык преподавался прескверно и услышать иностранную речь в трамвае было редкостью.

Но больше всего всех нас поражала, уже в 10 классе, Галина Марковна Лойчикова, преподававшая логику. Обаятельная, общительная, умница, знающая толк в своём предмете.

Учился я сначала почти на одни пятёрки, потом, в старших классах, “съехал”. <...> После окончания школы в 1955 г. я поступил в Ленинградскую лесотехническую академию (сказалось “лесное” детство), где работал вместе с нашим преподавателем древесиноведения Олегом Ивановичем Полубояриновым, учившимся в Пятой школе несколькими годами раньше меня. С начала 1960-х гг. и по сей день¹²⁶ я работаю в Лесотехнической академии (теперь Лесотехнический университет), но школьные годы вспоминаю всегда с грустью и благодарностью к нашим учителям».

После окончания аспирантуры 30 апреля 1975 г. Евгений Васильевич защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата сельскохозяйственных наук по теме «Антагонизм микроорганизмов и возможность его использования для защиты древесины берёзы при хранении». Круг его научных интересов широк. Одно из интересующих его направлений – экологическое состояние лесных насаждений Кольского полуострова, Новгородской области. Ранние работы были посвящены другой теме – взаимоотношениям, существующим в природе между различными видами грибов и бактерий. По этой теме были опубликованы статьи: «О взаимоотношении гриба *Corynesarcoides* (Jacq) с некоторыми дереворазрушающими грибами», «Влажное хранение древесины на складах», «Жизнеспособность грибов в древесине, погружённой в воду». Суть этих работ состоит в том, чтобы найти существующие в окружающей среде организмы, живущие на древесине, но не разрушающие её и способные препятствовать появлению вредоносных для неё организмов при её хранении, в постройках и т. д. Такие опыты носят длительный характер и интересны как в лаборатории, так и в поле, так как найти в природе организм, обладающий антагонистическими свойствами очень трудно.

В настоящее время Евгений Васильевич Тарасов – доцент кафедры общей экологии, физиологии растений и древесиноведения. Опубликовал более 30 научных работ.

Тамара Игоревна Кайданова (Смирнова) родилась 13 июля 1944 г. в Ярославской области, куда была эвакуирована из блокадного Ленинграда её мать

¹²⁶ Автобиографический очерк написан Е. В. Тарасовым в 2014 году.

с ближайшими родственниками. Семья вернулась в родной город в сентябре 1945 года. Отец, Игорь Александрович Смирнов (1908—1993), инженер-экономист, работал до и сразу после войны на заводе «Электроаппарат». Всю войну он сражался на Ленинградском фронте. В 1952 г. был призван в ряды вооружённых сил в качестве военного инженера. Мать, Антонина Александровна Смирнова (урождённая Басалаева, 1909—1979), работала бухгалтером в Управлении торговли г. Ленинграда.

Тамара Игоревна
Кайданова
(Смирнова)

В 1951 г. Тамара поступила в женскую школу № 2 Василеостровского района. А после объединения мужских и женских школ в 1954 г. перешла в школу № 5, где проучилась с 4 по 6 классы. Летом 1957 г. она неожиданно заболела полиомиелитом и пропустила год учёбы. Тамара справилась со страшным недугом, после которого многие дети оставались инвалидами, через год вернулась в школу и окончила восемь классов в 1960 году. Девушка была общительной, дружила со многими ребятами: Ларисой Борисовой, Наташей Штюрмер, Андреем Валявским, Ильёй Воробьёвым. Её очень опекала одноклассница Валя Тимофеева. Штюрмеры были в то время ближайшими соседями семьи Смирновых. Брат Наташи Игорь (род. 1931) также окончил в 1950 г. нашу школу. Тамара Иго-

ревна с благодарностью вспоминает своих учителей из школы № 5: прекрасно преподававшую свой предмет учительницу математики Нину Яковлевну Новиковскую, преподавателя химии, любимую многими учениками Киру Сергеевну Белякову, учителя биологии Ольгу Михайловну Дёмину. У последней было передававшееся из поколения в поколение учащихся прозвище Семядоля, придуманное ещё учениками мужской школы.

В 1960 г. последовала новая школьная реформа «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования», которая предусматривала чередование четырёх дней учёбы с двумя днями работы на производстве. Тамара опять была вынуждена перейти в другую школу. На этот раз оказалась в школе № 12, которую окончила в 1963 году. Все школьные годы девушка увлекалась музыкой, брала уроки игры на фортепиано. В 1963 г., когда наступил момент выбора вуза для продолжения образования, она поступила на биолого-почвенный факультет ЛГУ. После первого курса студенты-биологи проходили практику в Биологическом институте Старого Петергофа. Одним из предметов практики была генетика, которую вёл молодой сотрудник кафедры генетики Леонид Зиновьевич Кайданов. Через два года Тамара Смирнова стала Кайдановой. Училась Тамара в основном на пятёрки, но тройка по политэкономии социализма не позволила ей получить красный диплом. Окончив университет в 1969 г., Тамара Игоревна поступила в аспирантуру в Государственный научно-исследовательский институт озёрного и речного рыбного хозяйства (ГосНИОРХ), приняв предложение крупного учёного-генетика рыб Валентина Сергеевича Кирпичникова. Т. И. Кайданова провела основные исследования по теме диссертации в Зоологическом институте АН СССР, где работала её научный руководитель Лидия Архиповна Чубарева, впоследствии доктор биологических наук. Диссертацию

по специальности «ихтиология» «Сравнительно-кариологический анализ некоторых видов лососёвых и сиговых рыб» Тамара Игоревна успешно защитила в ГосНИОРХе в 1984 году.

Период 1950–1960-х гг. был ознаменован гонениями на генетику, нужно было иметь большое мужество заниматься наукой, не принятой официально. Как говорили в те годы генетикам: «Ваши пробирочные опыты никому не нужны». Подразумевались опыты с дрозофилами, которые содержались в пробирках и на которых несколько поколений студентов-биологов проводили опыты, дававшие ответы на многие актуальные вопросы генетики.

В 1964 г., после снятия Н. С. Хрущёва с поста генерального секретаря КПСС, был развенчан ореол Т. Д. Лысенко и генетика была реабилитирована. Отголоски периода гонений ещё долго отражались на судьбах многих учёных, однако уже можно было печатать статьи, заниматься любимым делом. Тамара Игоревна с 1973 г. по настоящее время активно работает в ГосНИОРХе в качестве научного сотрудника. Она является автором более 40 научных трудов, содержащих исследования по кариосистематике и кариологии лососевидных рыб.

Мы рассказали о 18 бывших учениках «майской» школы, связавших свою жизнь с биологией, с наукой о жизни. В кратких биографиях «наших» биологов мы постарались дать не только сведения о профессиональной деятельности, но и о годах учёбы в школе, ближайшем окружении, человеческих качествах героев очерка. Все они достигли разных успехов, но оставались верными заложенным в школе К. Мая нравственным принципам, делу служения отечеству и людям. Не всем удалось достичь своего потенциального уровня – революционные потрясения начала XX в., Гражданская война, репрессии, эмиграция не дали возможности полностью раскрыться талантам К. К. Саковского, К. Д. Старынкевича, Д. Н. Бородина, А. М. Лунца, Б. В. Пестинского, Т. С. Прилежаевой, Е. В. Котляровой. Непоправимые потери отечественной науке нанесла Вторая мировая война – многие учёные, подающие надежды и уже добившиеся признания, погибли на фронтах и в блокаде или вынуждены были прервать свои исследования в тяжёлых условиях эвакуации. Гонения на «буржуазную лженауку» генетику сдерживали передовую научную мысль в Советской России. Тем важнее и удивительнее выглядят успехи «майских» биологов, которые в любые времена, окрылённые светлыми «майскими» напутствиями, умели оставить заметный след в истории нашей отечественной науки. Вероятнее всего, в следующем сборнике мы сможем поведать вам ещё о многих достойных питомцах школы, выбравших своей профессией науку о жизни!

